

The Khivan Campaign of V.A. Perovsky 1839-1840 in the Context of Anglo-Russian Rivalry in Central Asia

---

Denis V. Rodin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Email: [enigma9307\[at\]mail.ru](mailto:enigma9307[at]mail.ru)

Abstract

Traditionally, when studying the campaign of the Orenburg military governor V.A. Perovsky to Khiva in 1839-1840, among the motives that prompted the Russian authorities to sanction this approach, researchers primarily noted economic interests and the desire to end the raids of Khivans on Russian caravans. At the same time, the international context of this campaign which coincided with the first Anglo-Afghan war was pushed into the background. The purpose of this article written within the framework of a systematic approach to the study of international relations is to prove the correlation between the actions of the Russian and British authorities in Central Asia at the turn of the 1830s and 1840s. Studying the logic of the events preceding the Khiva campaign of V.A. Perovsky and referring to documents directly related to the preparation of this campaign allow us to conclude that the concern of a number of Russian political figures (among whom V.A. Perovsky was) with the activation of British agents in Central Asia and the actions of the British army in Afghanistan was one of the main motives for organizing the campaign, the purpose of which was to strengthen Russian positions in the named region. Despite the failure of V.A. Perovsky's idea, the authorities of British India, frightened by the movement of Russian troops and suffering defeats in Afghanistan, contributed to the settlement of contradictions between Russia and Khiva in order to preserve the regional status quo. The actions of the British side, as well as the insufficient interest of the Russian authorities in the Central Asian direction in comparison with the European and Middle Eastern ones, contributed to a decrease in Russia's activity in Central Asia after the unsuccessful campaign of V.A. Perovsky.

Keywords

International relations; 19th century; Central Asia; Great Game; Russian Empire; British Empire; British India; Afghanistan; Khanate of Khiva; V.A. Perovsky

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Хивинский поход В. А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо–русского соперничества в Средней Азии

Родин Денис Валерьевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.
 Email: [enigma9307\[at\]mail.ru](mailto:enigma9307@mail.ru)

Аннотация

Традиционно при изучении похода оренбургского военного губернатора В.А. Перовского в Хиву в 1839–1840 гг. исследователи отмечали среди мотивов, побудивших российские власти санкционировать данный поход, в первую очередь экономические интересы и стремление покончить с набегами хивинцев на русские караваны. При этом международный контекст данного похода, совпавшего по времени с первой англо–афганской войной, оказывался оттеснен на второй план. Целью данной статьи, написанной в рамках системного подхода в изучении международных отношений, является доказательство корреляции между действиями российских и британских властей в Центральной Азии на рубеже 1830–х и 1840–х годов. Изучение логики событий, предшествовавших хивинскому походу В.А. Перовского, и обращение к документам, непосредственно связанным с подготовкой данного похода, позволяют сделать вывод о том, что озабоченность ряда российских политических деятелей (среди которых был и В.А. Перовский) активизацией британских агентов в Средней Азии и действиями британской армии в Афганистане была одним из главных мотивов организации похода, целью которого было укрепление российских позиций в названном регионе. Несмотря на провал затеи В.А. Перовского, власти Британской Индии, напуганные движением российских войск и терпящие поражения в Афганистане, способствовали урегулированию противоречий между Россией и Хивой с целью сохранения регионального статус-кво. Действия британской стороны, равно как и недостаточная заинтересованность российских властей в среднеазиатском направлении по сравнению с европейским и ближневосточным, способствовали снижению активности России в Средней Азии после неудачного похода В.А. Перовского.

Ключевые слова

международные отношения; XIX век; Средняя Азия; Большая игра; Российская империя; Британская империя; Британская Индия; Афганистан; Хивинское ханство; В.А. Перовский

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

XIX век стал свидетелем т.н. «Большой игры» – длительного периода соперничества между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии. Сам термин традиционно приписывается А. Конолли – британскому агенту, совершившему в 1830-1831 гг. путешествие в Хиву для изучения тех путей, которыми русская армия могло дойти до Индии, «жемчужины Британской империи», через степи и пустыни Средней Азии (Хопкирк, 2004, с. 165). Нельзя не согласиться с авторами сборника «Центральная Азия в составе Российской империи» в том, что в первой четверти XIX в. намечались «лишь слабые очертания англо-русского противоборства в рассматриваемом регионе» (Центральная Азия, 2008, с. 64), однако уже на рубеже 20-х – 30-х гг. XIX в. в отношениях двух великих держав можно проследить рост напряженности в связи с политикой, проводимой Лондоном и Петербургом в Средней Азии.

Русская политика ставила своей главной задачей сохранение в регионе статус-кво, сложившегося после прихода к власти в Афганистане в 1826 г. Дост-Мухаммеда из династии Баракзаев и победы русского оружия в войнах с Ираном (1826-1828) и Османской империей (1828-1829). Экспансия России в регионе имела исключительно экономический характер, причем если в 1820-х гг. ее главным торговым партнером выступала Персия, то уже в последующее десятилетие активно развивалась коммерция с Афганистаном, а также двумя ханствами – Хивинским и Кокандским, и Бухарским эмиратом. Историк Дж. Стюарт приводит следующие данные: «...Огромные караваны, состоявшие из 4-5 тыс. верблюдов, ежегодно совершали четырехмесячное путешествие между Бухарой и владениями царя» (Stewart, 2006, с. 32).

Одновременно с этим усилилась и британская активность в регионе. В ответ на заключение Туркманчайского и Адрианопольского мирных договоров президент Наблюдательного совета Ост-Индской компании лорд Эленборо в 1829 г. рекомендовал генерал-губернатору Индии лорду Бентинку проложить новый торговый маршрут в Бухару, чтобы не допустить дальнейшего усиления российского влияния в среднеазиатском регионе (Сергеев, 2012, с. 17). В 1831-1833 гг. лейтенант Ост-Индской компании А. Бёрнс по предписанию правительства Индии совершил плавание по Инду до Лахора и посетил Афганистан, Восточный Иран и Бухару. Уже в 1833 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский передал директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину сведения о появлении в Бухаре в значительном количестве английских товаров по дешевой цене, привезенных англичанами, вследствие чего бухарский хан начал задумываться о смене направления торговой политики от сотрудничества с Россией к сотрудничеству с Англией (Рожкова, 1949, сс. 220-221). В 1833-1834 г. соперник Дост-Мухаммеда Шах-Шуджа

при поддержке Ост-Индской компании попытался вторгнуться в Афганистан, но был остановлен под Кандагаром (Сайкс, 2021, сс. 318-319).

Постепенно вопрос об англо-русском соперничестве – в первую очередь торговом, но в перспективе и политическом – становился предметом особенного внимания как центральных, так и местных органов власти в обеих великих державах. В 1840 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон писал: «Кажется совершенно ясным, что рано или поздно казак и сипай, человек с Балтики и другой человек с Британских островов встретятся в центре Азии. Нам следует позаботиться о том, чтобы эта встреча произошла настолько вдали от наших индийских владений, насколько это для нас удобно и безопасно. Но ее не удастся избежать, оставаясь дома в ожидании визита» (Сергеев, 2012, с. 39). К этому моменту и Россия, и Англия уже перешли к активным наступательным действиям в Средней Азии: с 1838 г. шла первая англо-афганская война, а в 1839-1840 гг. состоялся Хивинский поход В.А. Перовского.

Изучению роли последнего в динамике англо-русских отношений в Средней Азии и политике обеих держав в указанном регионе на рубеже 1830-х – 1840-х гг. и посвящена данная статья. Ее цель – выявление строгой корреляции между действиями британских и российских властей в отношении среднеазиатских стран. Выявление подобных связей невозможно без обращения к системному подходу, в рамках которого, как отмечал один из основателей английской школы международных отношений Х. Булл, взаимодействие отдельных политических акторов является достаточно регулярным для того, чтобы «поведение каждого было необходимым фактором в расчетах всех других» (Цыганков, 2013, с. 4). В этом отношении англо-русские отношения в Средней Азии к 1830-м гг. в полной мере сформировали особую подсистему в рамках Венской системы международных отношений: обе стороны учитывали при формировании своего курса в отношении малых стран региона позиции оппонента, активизация в регионе одной из сторон неизменно вела к повышению интереса к нему и второй, военные действия одной из двух держав провоцировали вторую на принятие соответствующих контрмер. Конкретным проявлением данного тезиса являлись действия обеих великих держав в отношении Афганистана и Хивы во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг.

Действия России и Великобритании в Средней Азии в середине – второй половине 1830-х гг.

К середине 1830-х гг. авторитет Российской империи в государствах Средней Азии и Иране был достаточно высок. Граф И.О. Симонич, бывший полномочным министром России при дворе иранского шаха в 1832-1838 гг., писал, что

«победы генерала Паскевича, его беспрецедентное для того времени обращение с побежденными породили в восточном воображении некий культ русского имени. Русскую империю считали первой державой мира не только по силе и численности армии, но самой справедливой, великодушной и верной взятым обязательствам и обещанной дружбе» (Симонич, 1967, с. 67-68).

Подобный рост российского влияния вызывал недовольство в Британской Индии и порождал страх перед потенциальным вторжением России, отраженный, например, в сочинении генерала Дж. де Ласи Эванса, предупреждавшего о возможности вступления русских войск в Северо-Западную Индию в случае англо-русской войны (De Lacy Evans, 2004, с. 40). Отправленный по приказанию В.А. Перовского в 1833 г. в Бухару П.И. Демезон, сообщая о войне 1834 г. между Дост-Мухаммедом и Шах-Шуджей, писал, что

«англичане встревожены распространившимися в Индии слухами о планах завоевания Хивы и Бухары Россией совместно с принцем Аббасом-Мирзой, который, поддерживаемый значительными силами русского корпуса, должен завладеть Гератом» (Записки, 1983, с. 22-23).

В условиях острой торговой конкуренции в Европе обладание новыми гарантированными рынками в Азии превращалось для Англии в задачу перво-степенной важности. Решение проблемы деловые и правительственные круги Британской империи видели в том числе в превращении среднеазиатского региона в монопольную зону английских политических и экономических интересов (Герасимов, 1992, с. 112). Кроме того, как отмечала исследовательница данного вопроса М.С. Каландарова, из среднеазиатских государств можно было создать своего рода буфер против России, снабдив их армии современным оружием и подчинив их английскому влиянию. «Бряцая оружием в Средней Азии», англичане надеялись заставить Россию пойти на уступки Англии в решении политических вопросов как в Европе, так и на Востоке (Каландарова, 1995, с. 9).

У царского правительства в отношении Средней Азии были свои планы (Халфин, 1974, с. 23). Россия, как и Великобритания, стремилась, во-первых, к развитию торговых отношений с местными государствами, а через них с Афганистаном и северной частью Индии; во-вторых, русское влияние на местных правителей, в первую очередь на афганский двор, могло бы оказывать давление на английскую дипломатию в решении важных вопросов в Европе и на Ближнем Востоке. Однако в силу удаленности от афганской границы возможности России реализовать свои интересы касательно этой страны были крайне ограничены.

Вместе с тем для Англии Афганистан представлял интерес прежде всего как опорный пункт, близкий к среднеазиатским ханствам географически, имеющий непосредственные пути сообщения с ними и играющий значительную роль в их экономической жизни (Yarr, 1980, сс. 270-271). Афганистан должен был играть главную роль в предполагаемом барьере, прикрывающем

Индию со стороны Туркестана и Ирана, но для этого, как отмечал исследователь данного вопроса С.Н. Южаков,

«надо было восстановить афганскую державу, простиравшуюся от Каспия до Ганга и от Окса до океана» (Южаков, 1885, сс. 174-175).

Вслед за этим, как отмечалось в одной из публицистических работ 1830-х гг., Англии следовало обратить более пристальное внимание и на Среднюю Азию – регион, который

«в скором времени должен стать гораздо более важной частью мира, чем он был до сих пор» (India, 1838, с. 45).

Особое место в планах как российской, так и британской дипломатии занимал Герат, являвшийся одним из важнейших стратегических пунктов Среднего Востока. В силу своего расположения на перекрестке магистральных путей из Передней Азии и Западного Ирана в Индию, из Хивы и Бухары на юг, этот город с незапамятных времен играл серьезную роль и в торговле, и в военных предприятиях. Адъютант графа И.О. Симонича, капитан И.Ф. Бларамберг, в своих мемуарах отмечал, что англичане уже в 1830-е гг. называли Герат «ключом к Индии» (Бларамберг, 1978, с. 105) Однако, как верно заметил в свое время историк Е.Л. Штейнберг, Гератский оазис имел значение и «ключа к Каспийскому морю» (Штейнберг, 1951, с. 62), что повышало его значимость для обеспечения безопасности российских владений и зоны влияния в Средней Азии.

В 1837-1838 гг. попытку завоевания Герата предпринял правитель Ирана Мохаммед-шах. В качестве советника его сопровождал граф И.О. Симонич. Правительство Ирана рассчитывало путем установления власти над Гератом решить многие проблемы: ослабить сопротивление хорасанских ханов, пользовавшихся поддержкой правителей Герата, покончить с претензиями афганцев на Систан, компенсировать свои неудачи в войнах против России (Ахмеджанов, 1971, с. 27). Сам граф Симонич относился к планам завоевания Герата с одобрением, но не поддерживал их, уговаривая молодого шаха сначала привести в порядок систему управления и финансы Ирана (Бларамберг, 1978, с. 105).

Несмотря на предостережения русского посланника, Мохаммед-шах приступил к осаде Герата, оборону которого возглавлял британский агент Э. Поттинджер. Сама осада, по словам присутствовавшего при шахе капитана И.Ф. Бларамберга, была «едкой сатирой на военное искусство и смешной пародией на правила, которые лежат в основе осады» (Бларамберг, 1978, с. 115). Тем не менее британские власти видели в этих попытках подготовку к осуществлению проекта русского завоевания Индии. Посол России в Лондоне К.О. Поццо ди Борго докладывал в Петербург в 1838 г.:

«Этот проект засел здесь во всех головах, невзирая на свою естественную невероятность и положительную фальшь» (Айрапетов, 2017, с. 258-259).

В немалой степени этому способствовала миссия поручика Я.В. Виткевича в Кабул в 1837-1838 гг., отправленная в ответ на просьбы Дост-Мухаммеда о помощи в случае нападения со стороны Британской Индии или государства сикхов. Хотя И.О. Симонич утверждал, что инструкции предписывали Я.В. Виткевичу лишь сбор сведений о торговых выгодах, которые могла бы извлечь Россия, завязав отношения с кабульским эмиром (Симонич, 1967, с. 135), в письмах поручика явно прослеживалась идея союза «афганских принцев» под верховенством шаха Персии. Я.В. Виткевич пытался убедить Дост-Мухаммеда, что «отдаленность границ Афганистана и России помешает обеим сторонам быть полезными друг другу» и «что более естественным для Афганистана будет покровительство персидского шаха, под эгиду которого и должны встать Баракзай» (Симонич, 1967, с. 118). Отдельно оговаривалось, что и принц гератский

«сможет вступить в этот союз, если оставит свои претензии на Кандагар и Кабул, признает независимость ранее побежденных правителей этих земель и, по их примеру, подчинится господству Персии» (Симонич, 1967, с. 119).

Нетрудно догадаться, что настоящим руководителем этого союза была бы вовсе не Персия, а Россия, имевшая в то время огромное влияние на иранского шаха.

Дост-Мухаммед обратил внимание на русского посланника, который склонил эмира искать дружбы и протектората России. Однако в Лондоне деятельность русских агентов в Иране и Афганистане вызвала открытое недовольство. Русского посла К.О. Поццо ди Борго вызвали в Форин офис и проинформировали, что граф И.О. Симонич и поручик Я.В. Виткевич

«активно проводят враждебную по отношению к Британии политику, что серьезно угрожает отношениям между двумя правительствами» (Хопкирк, 2004, с. 235).

Лорд Пальмерстон потребовал, чтобы обоих немедленно отозвали. Российское правительство, опасавшееся ухудшения отношений с «Туманным Альбионом», было вынуждено подчиниться.

Для успокоения Лондона министр иностранных дел России К.В. Нессельроде составил в октябре 1838 г. депешу, разъяснявшую принципы российской политики в Средней Азии:

«Мысль о посягательстве на безопасность и спокойствие великобританских владений в Индии никогда не возникала и не возникнет в уме нашего августейшего монарха. Он желает того, что справедливо и что возможно. Вот почему он не допускает какой бы то ни было комбинации, направленной против английской власти в Индии... Великобритания, как и Россия, должна иметь в виду один и тот же интерес, а именно: поддерживать мир в Средней Азии и предупредить возникновение в этой обширной части света общего пожара. И вот, чтоб избежать великого несчастья, необходимо тщательным образом сохранять спокойствие в промежуточных странах, отделяющих владения России от владений Великобритании» (Айрапетов, 2017, с. 263-264).

Лорд Пальмерстон признал русскую ноту «вполне удовлетворительной». Одновременно в 1838 г. в ставку персидского шаха под Гератом прибыл британский посланник полковник Ч. Стоддарт. Он сообщил шаху, что

«лондонский кабинет рассматривает поход против афганцев... как враждебный акт в отношении Британской Индии; что, следовательно, дружеские отношения, так счастливо существовавшие до сих пор между Англией и Персией, временно прерваны; что Великобритания должна будет принять меры, которые она сочтет необходимыми, дабы гарантировать безопасность владений британской короны».

От шаха требовалось немедленно заключить «справедливое соглашение с афганцами» и отойти от Герата, чтобы избежать «риска, который существует в этой обстановке враждебности по отношению к Англии» (Симонич, 1967, с. 152-153). Вместе с тем Ч. Стоддарт добавил, что эскадра из пяти военных кораблей прибыла в Персидский залив, а отряд британских солдат начал высадку на острове Харг. Это было типичное проявление «дипломатии кано-нерок». Шах был вынужден смириться: он отвел войска от Герата и освободил уже занятый город Гуриан.

Успех в решении «гератского вопроса» и выдворение миссии Я.В. Виткевича из Афганистана убедили британскую администрацию в Индии в возможности дальнейшего укрепления своих позиций в Средней Азии. Несмотря на то, что А. Бёрнс, бывший в это время посланником в Кабуле, писал генерал-губернатору Индии лорду Окленду о необходимости поддержать Дост-Мухаммеда с целью предотвращения занятия Кабула русскими (Хопкирк, 2004, с. 238), сам генерал-губернатор уже к середине 1838 г. принял решение о походе в Афганистан с целью «распространения благословений хорошего управления и счастья на миллионы людей в Индии» и восстановления власти законного эмира – Шах-Шуджи (Айрапетов, 2017, с. 264). В конце июня 1838 г. был подписан трехсторонний договор между генерал-губернатором Индии, махараджей Пенджаба Раджит Сингхом и Шах-Шуджей о военном союзе. Английское правительство и сикхский магараджа обязались содействовать реставрации Шаха-Шуджи в Кабуле, а тот, в свою очередь, дал обязательство не вступать в сношения ни с одним иностранным государством без ведома и согласия английского правительства и оказывать вооруженное сопротивление всяким попыткам иностранных держав напасть на владения англичан и сикхов. Такой договор означал не что иное, как установление английского протектората над Кабулом, а поскольку Герат уже находился под контролем британского агента Э. Поттинджера, то английская власть простиралась бы на всю территорию Афганистана (Штейнберг, 1951, с. 66-67).

Лорд Пальмерстон писал в это время английскому послу в Санкт-Петербурге:

«Окленду было велено овладеть Афганистаном и сделать его зависящим от Англии... Мы долгое время отказывались вмешиваться в дела Афганистана,

но сейчас, когда русские пытаются сделать афганцев русскими, мы должны позаботиться о том, чтобы они стали британцами» (Хопкирк, 2004, с. 240).

Газета «Таймс» активно поддерживала в британском обществе антирусские настроения: «От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала... русский дьявол неотступно преследует и терзает весь человеческий род и неустанно совершает свои злобные аферы... раздражая нашу трудолюбивую и исключительно мирную империю» (Хопкирк, 2004, с. 242).

1 октября 1838 г. Окленд опубликовал манифест в Симле, в котором сделал достоянием общественности намерение Британии силой свергнуть Дост-Мухаммеда с трона и заменить его Шах-Шуджей. Для оправдания своих действий англичане представляли первого в роли «вероломного негодяя», принудившего британское правительство к военному вмешательству, а Шах-Шуджу – в роли лояльного друга Великобритании и законного наследника трона (Хопкирк, 2004, с. 240-241). В тот же день англо-индийские войска перешли границу Афганистана. Началась первая англо-афганская война 1838-1842 гг.

В первые месяцы войны англо-индийская армия действовала исключительно быстро и успешно. Уже в апреле 1839 г. был захвачен Кандагар, в июле – крепость Газни, а 2 августа 1839 г. Дост-Мухаммед бежал из Кабула на север страны, после чего англичане без боя вступили в столицу Афганистана. Окончательно сопротивление Дост-Мухаммеда было сломлено лишь к ноябрю 1840 г., после чего он сдался англичанам и был выслан в Индию. Новым эмиром стал Шах-Шуджа, однако реальная власть оказалась в руках британского резидента в Кабуле А. Бёрнса. Как писал английский историк М. Япп, Афганистан «был призван оформиться в государство нового, буферного типа», чей правитель пользовался бы определенной свободой во внутренних делах и в то же время прикрывал подступы к Британской Индии (Yapp, 1980, с. 307).

Правительство России осознавало, что если Средняя Азия окажется в руках англичан, то внешнеполитическое положение России будет серьезно ослаблено. Победы британской дипломатии, подкрепленные успехами британского оружия, подрывали авторитет Российской империи в среднеазиатских государствах, т.к. последний не был подкреплен демонстрацией силы (Айрапетов, 2017, с. 265). Проявлением данной тенденции стало учащение нападений хивинских разбойников на торговые караваны и пограничные селения.

Как следствие, под угрозой оказывалась и торговля России с Хивой, Кокандом и Бухарой. К.В. Нессельроде еще осенью 1838 г. в письме к К.О. Поццо ди Борго предупреждал о «неустанной активности, проявляемой английскими путешественниками в распространении волнений среди народов Центральной Азии и проведении агитации в самом сердце держав, окружающих наши границы». Действия англичан свидетельствовали об их стремлении ослабить русское влияние в Центральной Азии и заменить его

британским, а также выдворить русские товары и заменить их английскими. «С нашей стороны, — настаивал министр иностранных дел России, — мы ничего не просим, кроме согласия на честную конкуренцию при торговле в Азии» (Хопкирк, 2004, с. 254). В силу этих причин российскому правительству ничего не оставалось, как принять контрмеры против английской интервенции в Афганистан. Такой контрмерой и должен был стать Хивинский поход В.А. Перовского в 1839-1840 гг.

Российско-Хивинские отношения накануне похода В.А. Перовского

Несомненно, важной причиной организации данного похода являлись противоречия между Российской империей и Хивинским ханством, которые лишь обострялись вследствие присутствия англичан в Средней Азии. В 20-30-х годах XIX в. феодальная Хива открыто выступала против северного соседа, организуя нападения на пограничные поселения, поощряя кочевое население к захвату российских подданных и ограблению российских купеческих караванов, шедших в среднеазиатские ханства. В 1833 г. в Оренбург был прислан начальник хивинского таможенного сбора с объявлением, что русские караваны неминуемо будут разграблены, если не пойдут через Хиву, что, конечно, было только предлогом для оправданий на случай будущих грабежей. Сами же хивинцы беспрепятственно торговали в России, и их караваны ежегодно приходили на оренбургскую линию. Также хивинское правительство покровительствовало морским разбойникам на Каспийском море, которые захватывали множество мирных рыбаков и продавали их на всех рынках Средней Азии (Терентьев, 2010, сс. 37-38).

Еще одной причиной обострения отношений между Россией и Хивой в 1830-е гг. являлся вопрос разграничения сфер влияния в казахских степях. Завоевание северной части Казахстана царской Россией к 30-м гг. XIX в. было в основном закончено. Однако между нижним течением Сырдарьи и северным побережьем Аральского моря, с одной стороны, и рекой Эмбой и северо-восточным берегом Каспийского моря, с другой, оставалось еще обширное степное пространство, не принадлежавшее фактически ни России, ни Хиве. На это пространство откочевывали в случае надобности казахи, как находившиеся в подданстве России, так и состоявшие под властью Хивы. Каждая из стран стремилась овладеть спорной территорией и посылала туда время от времени свои войска (Гуломов, 2005, с. 110).

О необходимости противодействия набегам хивинцев и уводу русских подданных в рабство неоднократно писали русские дипломаты и агенты, посещавшие среднеазиатские ханства в первой трети XIX в. Одним из первых был поручик Я.П. Гавердовский, которому министр коммерции Н.П. Румянцев поручил организацию каравана в Бухару в 1803 г. Неудачное завершение возло-

женной на него миссии (караван был разграблен казахами спустя 1,5 месяца после выхода из Оренбурга) поручик объяснял следующим образом:

«...Самое приключение со мной есть плод хивинского злодейства; они же препятствуют увеличению торговли нашей через Мангышлак на Астрахань» (Халфин, 1974, с. 74). Поручик настаивал на отправке войск для противодействия хивинцам: «Сим образом злодеи накажутся, казна не потерпит, купцы удовлетворятся, киргизцы не будут разорены, государство во всех его частях получит приращение, и пример сего правосудия останется памятен и для будущего времени» (Халфин, 1974, сс. 74-75).

Планы продвижения в Среднюю Азию выдвигал командир Отдельного Грузинского корпуса, управляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях А.П. Ермолов. В ходе дипломатической миссии в Иран в 1816-1817 гг. он нашел Персию

«в крайне плачевном состоянии» и «отбросил устоявшиеся при дворе представления о Персии как о плацдарме для имперской торговой экспансии» (Никонов, 2010, с. 33).

Не отказываясь полностью от политики укрепления влияния империи в персидских делах, он предложил главное усилие государства направить на установление «теснейших отношений с тухменцами» (Никонов, 2010, с. 34). В более поздних посланиях А.П. Ермолов особо подчеркивал, что непосредственные контакты России с этими странами нанесут серьезный урон политическим и экономическим интересам англичан – «обладателям полуострова, которые мнят, что все богатства должны принадлежать им исключительно» (Никонов, 2010, с. 44).

В 1819 г. экспедицию в Хиву предпринял Н.Н. Муравьев. В своих отчетах он подчеркивал, насколько велико значение Хивинского ханства для контроля над торговыми путями в Средней Азии:

«Есть ли же бы Хива была в наших руках (что весьма не трудно исполнить), тогда кочующие народы средней Азии опасались бы нашей власти, и торговые пути учредились бы чрез Индус, Аму-дерию в Россию. Тогда бы все сокровища Средней и Южной Азии обратились бы в наше отечество, и тем исполнилось бы славное предприятие Великого Петра; владычествуя же в Хиве, зависели бы от нас и многие Азийские Державы. Вкратце сказать, Хива есть теперь передовой караул, препятствующий торговле Бухарии и Северной Индии с Россиею... Остров сей среди песчаного океана сделался бы средоточием всей Азийской торговли и поколебал бы сильное торговое преимущество властителей морей в самой Индии» (Муравьев-Карский, 1822, с. 102).

В марте 1826 г. российскому правительству была подана записка бывшего оренбургского губернатора М.Ф. Веригина о защите российских интересов в азиатском регионе силовым путем – через присоединение Хивинского ханства. В ней он описывал выгоды от захвата Хивы: защита караванов из России от нападений хивинцев, развитие российской легкой промышленности за счет доступа к хивинскому хлопку, получение рынка сбыта россий-

ской продукции, создание препятствий для проникновения в Центрально-Азиатский регион английских торговых и политических эмиссаров и разного рода религиозных миссионеров, организация антианглийской агитации в Кабуле, Кашмире, Лахоре и Тибете, транзит товаров в обход Персии (Никонов, 2010, с. 51). Однако проект не нашел поддержки в силу обострения в то время русско-персидских отношений: во-первых, в данной ситуации нельзя было найти силы для осуществления подобного замысла, во-вторых, боевые действия одновременно против Хивы и Персии могли привести к союзу эти двух стран и их атаке как в Закавказье, так и в Оренбургской губернии.

В 1833 г. оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса был назначен В.А. Перовский. При нем деятельность русских властей на юго-восточном направлении резко активизировалась. В 1834 г. в Туркмении для противодействия разбоям киргизов адаевского рода было основано Ново-Александровское укрепление (Киняпина & Блиев & Дегоев, 1984, с. 233). В следующем 1835 г. началось строительство военной линии между реками Урал и Уй; отрезанное таким образом от зауральских степей пространство под именем района Новой Линии было присоединено к землям оренбургского казачьего войска (Оренбургский губернатор, 1999, с. 186-187). Это вызвало возмущение хивинского и кокандского ханов, однако у них было недостаточно сил для противодействия русским (Киняпина & Блиев & Дегоев, 1984, с. 233). В знак примирения хивинский хан отпустил нескольких русских пленников, захваченных на Каспийском море, и впервые запретил торговлю русскими пленными, однако указ этот имел весьма непродолжительное действие (Киняпина & Блиев & Дегоев, 1984, с. 239).

В целом к 1839 г. в отношениях Российской империи и Хивинского ханства практически не наблюдалось позитивных изменений. В письмах к хивинскому хану В.А. Перовский называл действия Хивы по отношению к России «безрассудною враждою», обвинял Хиву в том, что она «содержит пленников русских в большом количестве» и «промышляет себе пленников воровством и разбоями», и грозил, что конец хивинским набегам могут положить лишь действенные военные меры:

«У России несравненно больше воинов под ружьем, чем жителей в целом ханстве Хивинском, неужели мы не в силах наказать преступные действия владельца Хивы?» (Ганиев, 2013, с. 112)

Деятельность британских агентов в Средней Азии подкрепляла уверенность хивинцев в безнаказанности своих действий. Ярким примером может служить обсуждение хивинской проблемы в 1836 г. В.А. Перовский предлагал в ответ на нападения Хивинского ханства арестовать хивинских купцов в России и реквизировать их товары. Однако Азиатский департамент не согласился с мнением оренбургского генерал-губернатора, опасаясь вредного влияния этой меры на торговлю со Средней Азией. Отказ от крайних мер чиновники ведомства объясняли тем, что если

«мы будем оказывать купцам всякие строгости, ...не достигнув желаемой цели, лишь только встревожим их и отвратим от сношений с Россиею; промышленная деятельность азиатцев усилится найти другие для себя пути, что весьма возможно при стараниях англичан, коих товары и агенты неоднократно уже проникали в самый центр Средней Азии и которые не упустят сего случая, чтобы оным не воспользоваться; стоит только чтобы бухарцы или хивинцы раз попытали, что можно обойтись без наших произведений, тогда поправлять уже будет поздно. Одно это обстоятельство уже достаточно убеждает в невыгодности и опасности подобной меры».

В.А. Перовский протестовал против подобного решения и писал по этому поводу:

«Средняя Азия без товаров наших существовать не может, доколе они не будут вытеснены товарами англичан; англичане же с своей стороны берут все меры для достижения этой цели; если мы не будем им противодействовать, то дело не кончится в нашу пользу» (Рожкова, 1949, сс. 214-215).

Подготовка и осуществление Хивинского похода В.А. Перовского

Участившиеся в связи с вторжением англичан в афганские владения набеги хивинцев в начале 1839 г. (хивинцами было захвачено около 150 русских рыбаков) подтолкнули В.А. Перовского к активным действиям. 24 января 1839 г. на стол министра иностранных дел К.В. Нессельроде легла записка, в которой оренбургский военный губернатор доказывал необходимость организации карательного похода против хивинцев, которые, как он писал,

«не довольствуются уже тем, что взимают пошлину с проходящих через Хиву собственно караванов, а высылают отряды навстречу тем, которые идут прямым путем из России в Бухару, или обратно, разбивают тюки, останавливают караваны на несколько недель, заставляют... сворачивать с пути и заходить в хивинские на р. Сыр укрепления и отбирают, под видом пошлины, любые для себя товары» (Серебренников, 1908, с. 9).

Все это наносило несомненный вред российской торговле в Средней Азии и, как доказывал Перовский, требовало незамедлительного вмешательства России. К февралю В.А. Перовский разработал подробный план экспедиции в Хиву с указанием состава отряда и издержек экспедиции (Серебренников, 1908, с. 12-23). По словам оренбургского военного губернатора, завоевание Хивы, сопоставимое по значимости с французским завоеванием Алжира, имело бы исключительно благоприятные последствия:

«...Вся Средняя Азия возродится, восстанет от оцепенения своего при водворении образованного, благодатного правления; обогатится торговлею и промышленностью Россия...» (Серебренников, 1908, с. 28).

В марте 1839 г. был составлен специальный комитет, рассматривавший предложения оренбургского военного губернатора об экспедиции в Хиву. В его

состав вошли граф К.В. Нессельроде, военный министр граф А.И. Чернышёв и сам генерал-адъютант В.А. Перовский. Среди целей похода, кроме «справедливого требования» освободить русских пленных, значилось и другое:

«Восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное долговременною ненаказанностью хивинцев и в особенности тем постоянством, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего влияния в тех краях» (Серебренников, 1908, с. 33).

Как можно видеть, не одна только хивинская угроза стала причиной готовящегося похода – правительство открыто признавало, что не менее, а, возможно, и более опасной была угроза со стороны Англии, стремившейся к захвату среднеазиатских рынков.

При этом комитет предполагал отложить поход

«до окончания экспедиции, предпринятой генерал-губернатором английских владений в Индии против владетеля Кабула... и до обратного выступления войск Ост-индской компании из Афганистана» (Серебренников, 1908, с. 33).

Мотивировалась данная задержка тем, что российскому правительству требовались

«достаточные основания к отклонению всяких со стороны Англии притязаний по действиям нашим в Хиве» (Серебренников, 1908, с. 34).

Вероятно, данное требование было выдвинуто К.В. Нессельроде, знавшем, что Англия способна возбудить европейскую общественность против действий России в Средней Азии, объявив их «неоправданной агрессией», и надеялся лишить Англию подобного козыря в дипломатической игре. При этом учитывалось, что англичане, заняв Кабул, серьезно усилят свое влияние в регионе, но оно будет нейтрализовано в случае занятия русскими войсками не только Хивы, но и Бухары (Серебренников, 1908, с. 33). Что касается конечной цели похода, то в этом вопросе члены комитета согласились с В.А. Перовским, что «одно наказание виновных и освобождение пленных наших несколько не обеспечит нас на будущее время от неприязненных действий Хивы». Следовательно, требовалось «смещение хивинского хана кем-либо из степных султанов» по примеру того, что планировали произвести англичане в Кабуле (Серебренников, 1908, с. 35).

Настоящую цель экспедиции предполагалось сохранять «в строжайшей и непроницаемой тайне» настолько долго, насколько это только возможно. Официально было объявлено о подготовке научной экспедиции «для исследования восточных берегов Аральского моря» (Серебренников, 1908, с. 34). Данное предложение, как и решение отложить поход до окончания действий Британии в Афганистане, критиковал в свое время М.И. Иванин, бывший участником похода 1839-1840 гг. В своих воспоминаниях он замечал:

«Для чего стеснять главного начальника содержанием в тайне такого предприятия, которое, по сущности своей, не может оставаться тайною? Первая значительная покупка запасов и отправка их в степь уже делает очевидным для всякого, куда направляется удар. Второе положение, принятое комитетом, отложить самый поход до окончания дел Англии в Афганистане, еще более должно было стеснять распоряжения главного начальника. Разве можно предвидеть время окончания такого дела, какое было у Англии в Афганистане, при обширности театра войны и воинственности Афганов? И можно ли было опасаться в то время появления английских войск в долине р. Аму, оставя в тылу только разбитый, но еще не покоренный этот народ?» (Иванин, 1874, с. 3-4).

30 сентября В.А. Перовский подал К.В. Нессельроде записку касательно «политических вопросов по поводу предстоящего занятия Хивы». В ней он развивал идею о смещении правителя Хивы Аллакули-хана и замене его новым ханом, преданным России (предлагалась кандидатура Инаха – младшего брата Аллакули-хана) (Серебренников, 1908, с. 149). Предложения В.А. Перовского были рассмотрены специальным комитетом, который согласился с кандидатурой Инаха и выдвинул ряд требований, которые предполагалось передать новому хивинскому хану после успешного завершения похода: прекращение тайных и явных враждебных действий ханства против России, в том числе и содержание в неволе ее подданных; отказ Хивы от претензий на власть над казахами – подданными Российской империи, и определение границ ханства; то же самое применительно к туркменским племенам, которые пожелают поступить в подданство России; срытие хивинских укреплений на Сырдарье; отказ хивинских властей от принуждения караванов к проходу через Хиву и обложения их пошлинами; чтобы «вообще на товары, принадлежащие русским, не было налагаемо, как доселе, двойной и четверной пошлины» и «чтобы купцы русские и хивинские были во всех отношениях уравнены правами»; открытие хивинского консульства в Оренбурге и русского в Хиве, причем русский консул должен был иметь право содержать на Амударье свои суда. В случае побега Инаха из ханства там должно быть создано «временное правительства». Также В.А. Перовскому было разрешено оставить в Хиве отряд или часть его на неопределенное время для контроля над исполнением ханом требований русского правительства (Серебренников, 1908, с. 161-162).

Как можно видеть, в результате похода 1839-1840 гг. Хива должна была стать де-факто вассалом Российской империи. Фактически предполагаемое соглашение закладывало модель для Гендемианского договора 1873 г. Исходя из этого, можно заключить, что поход В.А. Перовского был обусловлен не только оборонительным фактором (наказание хивинцев за захват российских пленников и разорение караванов), но и завоевательным, колониальным: Россия была заинтересована в таком стратегически важном регионе, как Средняя Азия, и ради своих торговых и политических интересов намеревалась прочнее закрепиться в нем. Хива была значима как один из главных опорных пунктов региона.

14 ноября 1839 г. В.А. Перовский издал «Приказ по отдельному оренбургскому корпусу», который возвестил о начале похода против Хивинского ханства. Обращает на себя внимание отсутствие в тексте приказа слов о научной экспедиции. «Россия карает Хиву, эту дерзкую и вероломную соседку», – вот главный призыв оренбургского военного губернатора к солдатам. Подтверждению карательных целей экспедиции служит и декларация, прилагаемая к данному приказу, в которой были расписаны все прегрешения хивинцев против России. В.А. Перовский подчеркивал, что российское правительство уже испытало все дипломатические средства для достижения мира и взаимопонимания между двумя государствами и было вынуждено принять военные меры против преступных действий хивинцев, чтобы

«положить конец грабежам и насилиям, избавить томящихся в Хиве невольников, внушить должное уважение к имени Русскому и упрочить то влияние, которое неоспоримо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии» (Иванин, 1874, сс. 225-227).

Таким образом, В.А. Перовский прямо заявлял о претензиях России на верховную власть и управление данным регионом ради защиты своих торгово-экономических интересов и охраны русских подданных. Вполне возможно, что текст данной декларации был рассчитан не только на русских солдат, но и на английских агентов, которые уже наверняка узнали о начале военного похода русских в Хиву и которых надо было убедить в справедливости и обоснованности целей данной экспедиции.

И действительно, к тому времени хивинцы, а через них и англичане давно знали о приготовлениях русских к военному походу. Для того, чтобы предотвратить переход Хивы в руки русских, старший английский офицер в Герате майор Э. д'Арси Тодд направил в Хиву штабного офицера капитана Дж. Аббота с предложением начать от имени хана переговоры с наступающими русскими. Его задача заключалась в том, чтобы

«убедить хана в настоятельной необходимости избавиться от рабов до того, как Перовский продвинется настолько далеко, чтобы не захотеть повернуть назад» (Хопкирк, 2004, с. 257).

Однако к моменту отправления Дж. Аббота в Хиву в декабре 1839 г. колонны В.А. Перовского уже маршировали в сторону среднеазиатских степей.

Весть о выступлении русских войск вызвала серьезное беспокойство британской общественности. Новый посланник России в Лондоне Ф.И. Бруннов рекомендовал Петербургу не обращать на это внимания:

«Будьте совершенно покойны, лишь бы только Перовский сделал свое дело: пусть он прогонит хана, или повесит его, или выпорет плетью, – все равно он поступит отлично, и никто нам в том мешать не может. Только умоляю вас: предпочтите факты писаниям!.. Всякий открытый акт, подписанный нами с каким-нибудь разбойником, не даст нам больше безопасности, но наверное будет для нас очень вредным в глазах англичан» (Айрапетов, 2017, с. 272).

В то же время бывший премьер-министр Великобритании герцог А.У. Веллингтон предупреждал Ф.И. Бруннова насчет чрезмерной активности в Средней Азии:

«Там... всего должно опасаться: как успеха, так и погрома. Если на вашей стороне будет успех, вы не будете знать, как далеко вам идти в тех пустынях. Если же судьба будет против вас, то вы не будете знать, как выйти оттуда. В подобных предприятиях помните всегда, что легко идти вперед, но трудно идти назад» (Айрапетов, 2017, с. 272).

Слова героя битвы при Ватерлоо оказались пророческими: 1 февраля 1840 г. В.А. Перовский, находясь у Ак-Булака в условиях суровой зимы и рискуя потерять весь отряд в снегах, отдал по войскам хивинской экспедиции приказ о возвращении. Своему другу А.Я. Булгакову он писал:

«...Три месяца мы успешно боролись с самым лютым холодом, с ежедневными почти метелями, с небывалыми в здешнем краю по глубине своей снегами, на протяжении нескольких сот верст... Если мы удалимся от нашего запасного склада еще на несколько переходов, то очутимся в одинаковой невозможности идти вперед и возвращаться назад... Я не в состоянии передать вам, что я испытываю и что испытал, подписывая приказ об отступлении...» (Письма, 1878, с. 40).

К июню 1840 г. остатки отряда В.А. Перовского возвратились к Оренбургу. Император Николай I, получив доклад о возвращении экспедиции Перовского, написал на нем: «Жаль... очень жаль – но покориться воле Божьей должно, и безропотно» (Терентьев, 1906, с. 161). Тем не менее, от самой идеи похода В.А. Перовский не отказался и практически сразу приступил к подготовке новой экспедиции. Позднее, в своем отчете о деятельности на посту оренбургского военного губернатора, он писал:

«Перемена пограничных обстоятельств тем полезнее и важнее в настоящую минуту, что соседство англичан с Тураном и появление там великобританских агентов делает упрочение русского влияния совершенно необходимым» (Гвоздикова, 2010, с. 83-84).

Последствия Хивинского похода В.А. Перовского

Несмотря на неудачу, поход В.А. Перовского все же оказал серьезное влияние на хивинского хана. Опасаясь новых попыток вторжения со стороны России, Аллакули-хан начал помышлять о средствах умиловить Россию. К тому же прекращение торговли с Россией заставило хивинцев обратиться к посреднической торговле через кокандских и бухарских купцов, что нанесло чувствительный вред хивинской торговле.

В 1840 г. в Хиву наконец прибыл Дж. Аббот, создавший в ханстве собственную разведывательную сеть. При переговорах с Аллакули-ханом британский агент стремился подготовить договор о союзе между ханством и Англией, запугивая хивинцев «русской угрозой» (Гуломов, 2005, с. 111).

Он призывал хивинские власти строить военные укрепления, направленные против России, и лично знакомился с важными дорогами. Главная задача Дж. Аббота заключалась в том, чтобы убедить хана в настоящей необходимости избавиться от русских рабов. В ходе длительных переговоров хан постепенно охладил к Дж. Абботу и приказал убить английского посланника (Зыков, 1862, с. 7). Тот был вынужден бежать через степь к русской границе. Близ русского Ново-Александровского укрепления на Мангышлаке британский агент был задержан русскими солдатами и доставлен в Оренбург. В.А. Перовский отнесся к капитану с недоверием. Он писал своему другу В.И. Далю:

«Если бы иностранец представился в какой-либо пограничный город нашей западной границы с такими же неудовлетворительными о себе документами и требовал бы, чтобы его пропустили в столицу, то нет никакого сомнения, что его, во-первых, посадили бы под арест, во-вторых, завели бы о нем переписку. То же самое намерен сделать и я с его благородием...» (Матвиевская & Зубова, 2003, с. 257).

Но вскоре пришли распоряжения из Петербурга касательно задержанного капитана, и военный губернатор был вынужден освободить его и отправить в российскую столицу, откуда Дж. Аббот вернулся в Лондон.

Так как в Британской Индии опасались нового похода русских в Хиву, на смену Дж. Абботу был отправлен капитан Р. Шекспир. Приехав в Хиву, новый британский агент принялся осуществлять «посреднические» функции. Он официально оповестил Оренбург о своем прибытии в Хиву в качестве представителя верховного правительства Британской Индии. Вместе с представителем России корнетом М.Ш. Аитовым он убеждал хана в необходимости уступок русскому правительству. Неясно, чья роль здесь оказалась больше: если британские историки отдают пальму первенства в освобождении «416 русских и 600 хивинцев из рабства» Р. Шекспиру (Хопкирк, 2004 сс. 278-281; Gerald, 1981, с. 67), то отечественные историки приводят свидетельства в пользу того, что хан был более послушен русскому корнету, и именно М.Ш. Аитов убедил Аллакули-хана в невозможности для Хивы

«ни противиться нам вооруженной рукою, ни существовать без торговли нашей, снабжающей ханство нужнейшими продуктами» (Зыков, 1862, с. 8).

Как бы то ни было, результат сих переговоров был един: 19 июля 1840 г. хан издал фирман, которым запрещал своим подданным любые нападения на русские земли, захват русских в плен и покупку плененных русских. Были освобождены все ханские невольники, то же было приказано сделать всем подданным хана, все освобожденные были снабжены продовольствием и отправлены в пределы Российской империи (Жуковский, 1915, с. 120-121). 17 августа 1840 г. караван с освобожденными был отправлен в Оренбург. В ответ в Хиву были отпущены арестованные еще в 1836 г. хивинские торговцы, которым были возвращены конфискованные товары. Торговые отношения

с Хивой были возобновлены, а для окончательного заключения мирных условий правительство России потребовало от хивинского хана принять русское посольство, на что Хива «изъявила свое полное согласие» (Жуковский, 1915, с. 121).

Вследствие мирных и покорных действий хивинского хана Санкт-Петербург оказался лишен предлога для осуществления новой военной экспедиции в Средней Азии, и в том же 1840 г. все распоряжения В.А. Перовского о новом походе в Хиву были отменены по высочайшему повелению. Приказ о сворачивании военных приготовлений, во всей видимости, происходил от К.В. Нессельроде, желавшего успокоить англичан и «как бы извиниться пред ними, что без их позволения мы решились было двинуться на Восток» (Захарьин, 1892, с. 146). Британский историк Г.Н. Ингл в подтверждение мирных намерений К.В. Нессельроде приводил следующие слова из его письма к генералу Ф.Ф. Бергу:

«Слава Богу, что экспедиция в Хиву закончена. Должен сказать Вам, что это могло привести к трагедии в Азии» (Ingle, 1976, с. 94).

После длительных переговоров в 1841-1842 гг. с посольствами П.А. Никифорова и Г.И. Данилевского хивинский хан подписал «Обязательный акт» от 27 декабря 1842 г. Аллакули-хан обязался предоставить русским купеческим караванам беспрепятственный проход в Хиву и обратно, обеспечить им защиту от нападений туркмен-йомудов и хивинских киргизов, запретить кочевникам нападать на рыбные промыслы на Каспийском море и уводить русских рабочих в плен. Русским купцам предоставлялось право открытой торговли в ряде городов Хивинского ханства. Со своей стороны, Г.И. Данилевский от лица Российской империи обещал «предать забвению прежние неприязненные против нее действия хивинских владетелей», отказаться от требования уплаты за разграбленные до сего времени караваны, обеспечить безопасность и покровительство приезжающим в Россию хивинским подданным и предоставить хивинским торговцам во владениях России те же преимущества, которыми пользовались купцы других азиатских стран (Зыков, 1862, сс. 15-16).

Между тем, когда вести о провале экспедиции В.А. Перовского достигли англичан, последние торжествовали: пока русские войска бесславно гибли в снегах киргизских степей и отступали с полдороги, английские войска победоносно заняли Афганистан и наслаждались всеми благами на зимних квартирах в завоеванной стране. Историк М.А. Терентьев весьма точно отобразил чувства англичан в это время: «Престиж России, по их мнению, пал. Престиж Англии возрос до зенита» (Терентьев, 1906, с. 169). При этом британская пресса всюю обвиняла Россию в захватнических замыслах. Так, в газете «Таймс» писали:

«Русские уже почти овладели северными государствами Центральной Азии... теперь они владеют значительной частью внутренних путей, которые когда-то сделали Самарканд, а сейчас делают Бухару коммерческим центром первостепенной важности, и... пройдя обширные участки ужасных пустынь, они сейчас

готовятся или уже подготовились обрушить свои вооруженные орды на наиболее плодородные районы Индустана» (Хопкирк, 2004, с. 264).

Однако саму Британию вскоре также постигла участь оренбургского генерал-губернатора. Афганцам довольно скоро стало ясно, что Шах-Шуджа является покорной марионеткой в руках англичан, а презрительное отношение последних к местному населению лишь ярче и сильнее подчеркивало истинный характер и действительный исход англо-афганской войны. Общее неудовольствие росло, и сам шах вскоре сделался тайным врагом своих опекунов и покровителей. Наконец, в 1841 г. разразилось всеобщее восстание. К 1842 г. англичане были полностью вытеснены из Афганистана и были вынуждены отпустить на свободу Дост-Мухаммеда, который вновь занял кабульский трон. Подобное фиаско вынудило Британию пересмотреть свою афганскую политику.

Вместе с тем провал афганской авантюры англичан не привел к укреплению позиций России в Средней Азии. Уже к середине 1840-х гг. хивинцы отказались от соблюдения условий «Обязательного акта», возобновили грабеж караванов и вернулись к покровительству над туркменскими разбойниками, хозяйничающими на Каспийском море. Дост-Мухаммед с 1846 г. возобновил дружеские сношения с британцами и даже заключил союз с княжеством сикхов. Шаг этот был вполне логичен: Россия не смогла ничем помочь кабульскому эмиру во время войны 1838-1842 гг., значит, единственным способом сохранить мир было сотрудничество с потенциальным врагом – Британской Индией.

Выводы

Таким образом, динамика англо-русских отношений в Средней Азии во второй половине 1830-х гг. демонстрировала тенденцию к постепенной эскалации: укрепление позиций Российской империи в регионе после успешной войны с Ираном 1826-1828 гг. стимулировало власти Британской Индии при поддержке министра иностранных дел Великобритании лорда Пальмерстона искать средства расширения собственного влияния на территориях, сопредельных с британскими владениями в Южной Азии. Успех в отражении иранского наступления на Герат, в котором британские власти усматривали попытку российских властей опосредованно закрепиться в Афганистане, сформировал убежденность индийского генерал-губернатора лорда Окленда в возможности установления британского контроля над Афганистаном и дальнейшего проникновения в Среднюю Азию с целью обеспечения безопасности северо-западных рубежей Индии. Успехи британской армии на начальном этапе англо-афганской войны, способствовавшие падению авторитета Российской империи в среднеазиатских государствах, в том числе в Хивинском ханстве, чьи нападения на российские караваны участились в начале 1839 г.,

стали решающим фактором при принятии решения об организации похода В.А. Перовского в Хиву.

Лишь неудачный исход похода и последующее поражение британцев в Афганистане вынудили две великие державы временно отказаться от активных действий в регионе. В немалой степени это было связано с тем, что и Лондон, и Санкт-Петербург уделяли первоочередное внимание европейским и ближневосточным проблемам и не располагали достаточными силами для продвижения в Средней Азии, а потому были заинтересованы в сохранении status quo в регионе. В 1844 г. К.В. Нессельроде предлагал главе Форин офис лорду Абердину «оставить ханства Центральной Азии в качестве нейтральной зоны между двумя империями так, чтобы не допустить опасных контактов» (Сергеев, 2012, с. 59). Вплоть до середины 1850-х гг. обе державы придерживались данной концепции буферных государств в Средней Азии, позволявшей сохранять региональный баланс сил. Лишь прямое столкновение России и Великобритании в годы Крымской войны привело к отказу от данной концепции и к активизации среднеазиатской политики Лондона и Санкт-Петербурга, целью которой становилось прямое вовлечение местных государств в имперское пространство обеих держав.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии №20-59-18007

The reported study was funded by RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project number 20-59-18007

Список литературы

- Evans, G. D. L. (2004). *The Great Game: On the practicability of an invasion of British India* (Vol. 6). Taylor & Francis.
- Gerald, M. (1981). *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895*. Cass.
- India, Great Britain and Russia*. (1838). A.H. Baily and Co.
- Ingle, H. N. (1976). *Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain, 1836-1844*. University of California Press.
- Stewart, J. (2006). *Spying for the Raj: The Pundits and the Mapping of the Himalaya*. Sutton Publishing.
- Yapp, M. E. (1980). *Strategies of British India: Britain, Iran and Afghanistan 1798-1850*. Oxford.
- Айрапетов, О. Р. (2017). *История внешней политики Российской империи, 1801-1914: В 4 томах* (Т. 2). Кучково поле.
- Ахмеджанов, Г. А. (1971). *Гератский вопрос в XIX веке*. ФАН.
- Бларамберг, И. Ф. (1978). *Воспоминания*. Наука.

- Ганиев, Р. Т. (2013). Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: Амбиции и реальность. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 2, 107–123.
- Гвоздиков, И. М. (Ред.). (2010). *Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842)*. ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Герасимов, А. В. (1992). Британская внешняя политика на Среднем Востоке в 30-е гг. XIX в. и ее влияние на общественно-политическую жизнь в Англии. В *Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время*. Издательство Мордовского университета.
- Жуковский, С. В. (1915). *Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие*. Труды Общества Русских Ориенталистов.
- Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича)*. (1983). Наука.
- Захарьин, И. Н. (1892). *Хива. «Зимний поход в Хиву Перовского» в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году (По рассказам и запискам очевидцев)*. Типография П.П. Сойкина.
- Зыков, С. Н. (1862). Хивинские дела 1839-1842. *Русское слово*, 4, 1–23.
- Иванин, М. И. (1874). *Описание зимнего похода в Хиву 1839-1840 гг.* Типография товарищества «Общественная польза».
- Каландарова, М. С. (1995). *Геополитика Англии в Центральной Азии в 20-30-е годы XIX в. (По материалам экспедиции А. Бёрнса в Бухару в 1831 г.)* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук].
- Киняпина, Н. С., Блиев, М. М., & Дегоев, В. В. (1984). *Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.* Издательство МГУ.
- Матвиевская, Г. П., & Зубова, И. П. (2003). «Я вас люблю как друга...». Письма В.А. Перовского к В.И. Далю. *Гостинный двор*, 14, 247–260.
- Муравьев-Карский, Н. Н. (1822). *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров (Ч. 2)*. Типография Августа Семена.
- Никонов, О. А. (2010). *Иран и Центрально-Азиатский регион во внешнеполитических планах Российской империи (первая половина XIX века)*. ВГУ.
- Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский*. (1999). Оренбургское книжное издательство.
- Письма графа В.А. Перовского к А.Я. Булгакову. (1878). *Русский архив*, 5, 34–46.
- Рожкова, М. К. (1949). *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия*. Издательство Академии Наук СССР.
- Сайкс, П. (2021). *История Афганистана. С древнейших времен до учреждения королевской монархии*. Центрполиграф.
- Сергеев, Е. Ю. (2012). *Большая игра, 1856-1907: Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. Товарищество научных изданий КМК.
- Серебренников, А. Г. (1908). *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края (Т. 1)*. тип. Шт. Туркест. воен. окр.
- Симонич, И. О. (1967). *Воспоминания полномочного министра*. Наука.

- Терентьев, М. А. (1906). *История завоевания Средней Азии* (Т. 1). Типолитография В.В. Комарова.
- Терентьев, М. А. (2010). *Хивинские походы русской армии*. Вече.
- Халфин, Н. А. (1974). *Россия и ханства средней Азии (первая половина XIX века)*. Наука.
- Хопкирк, П. (2004). *Большая Игра против России: Азиатский синдром*. Рипол Классик.
- Центральная Азия в составе Российской империи*. (2008). Новое литературное обозрение.
- Цыганков, П. А. (2013). Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 5, 3–25.
- Штейнберг, Е. Л. (1951). *История британской агрессии на Среднем Востоке. (От французской буржуазной революции до Второй мировой войны)*. Воениздат.
- Южаков, С. Н. (1885). *Афганистан и сопредельные страны: Политико-исторический очерк*. Типография товарищества «Общественная польза».

References

- Airapetov, O. R. (2017). *History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801-1914: In 4 volumes* (Vol. 2). Kuchkovo pole. (In Russian).
- Akhmedjanov, G. A. (1971). *The question of Herat in the 19th century*. FAN. (In Russian).
- Blaramberg, I. F. (1978). *Memories*. Nauka. (In Russian).
- Central Asia within the Russian Empire*. (2008). New Literary Review. (In Russian).
- Evans, G. D. L. (2004). *The Great Game: On the practicability of an invasion of British India* (Vol. 6). Taylor & Francis.
- Ganiev, R. T. (2013). The Russian Empire's Khiva problem in the 1st half of the 19th century: ambition and reality. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 2, 107–123. (In Russian).
- Gerald, M. (1981). *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895*. Cass.
- Gerasimov, A. V. (1992). British foreign policy in the Middle East in the 1930s and its influence on social and political life in England. In *Social movements and political struggles in Europe and America in modern and contemporary times*. Mordovian University Press. (In Russian).
- Gvozdikova, I. M. (Ed.). (2010). *Report of the Orenburg Military Governor V.A. Perovsky on the administration of the region (1833-1842)*. IJIL UNTS RAS. (In Russian).
- Hopkirk, P. (2004). *The Great Game against Russia: The Asian Syndrome*. Ripol Classic. (In Russian).
- India, Great Britain and Russia*. (1838). A.H. Baily and Co.
- Ingle, H. N. (1976). *Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain, 1836-1844*. University of California Press.
- Ivanin, M. I. (1874). *Description of the winter campaign to Khiva, 1839-1840*. Printing house of the Public Benefit Society. (In Russian).
- Kalendarova, M. S. (1995). *The geopolitics of England in Central Asia in the 1920s and 1930s. (Based on A. Burns' expedition to Bukhara in 1831)*. [Author's abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. (In Russian).
- Khalfin, N. A. (1974). *Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)*. Nauka. (In Russian).
- Kinyapina, N. S., Bliev, M. M., & Degoev, V. V. (1984). *The Caucasus and Central Asia in Russian foreign policy, second half of the 18th century to the 1880s*. MSU Press. (In Russian).

- Letters from Count V. A. Perovsky to A. Y. Bulgakov. (1878). *Russian archive*, 5, 34–46. (In Russian).
- Matvievskaya, G. P., & Zubova, I. P. (2003). “I love you as a friend...”. Letters of V. A. Perovsky to V. I. Dahl. *Gostiny Dvor*, 14, 247–260. (In Russian).
- Muravyov-Karsky, N. N. (1822). Travels to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 by Captain Nikolai Muravyov of the General Staff of the Guards, who was sent to those countries to negotiate (Part. 2). August Semen's printing house. (In Russian).
- Nikonov, O. A. (2010). *Iran and the Central Asian region in the foreign policy plans of the Russian Empire (first half of the 19th century)*. WHSU. (In Russian).
- Notes on the Bukhara Khanate (Reports of P. I. Demeson and I. V. Vitkevich). (1983). Nauka. (In Russian).
- Orenburg Governor Vasily Alekseyevich Perovsky. (1999). Orenburg Book Publishers. (In Russian).
- Rozhkova, M. K. (1949). *The tsarist government's economic policy in the Middle East in the second quarter of the 19th century and the Russian bourgeoisie*. The Academy of Sciences of the USSR Publishing House. (In Russian).
- Serebrennikov, A. G. (1908). *A collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region (Vol. 1)*. Tip. Sht. of Turkest. military district. (In Russian).
- Sergeev, E. Yu. (2012). *The Great Game, 1856-1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia*. KMK Scientific Publishers Association. (In Russian).
- Simonich, I. O. (1967). *Recollections of a minister plenipotentiary*. Nauka. (In Russian).
- Steinberg, E. L. (1951). *A history of British aggression in the Middle East. (From the French Bourgeois Revolution to World War II)*. Voenizdat. (In Russian).
- Stewart, J. (2006). *Spying for the Raj: The Pundits and the Mapping of the Himalaya*. Sutton Publishing.
- Sykes, P. (2021). *History of Afghanistan. From ancient times to the establishment of the royal monarchy*. Centropoligraf. (In Russian).
- Terentiev, M. A. (1906). *History of the conquest of Central Asia (Vol. 1)*. Typography by V. V. Komarov. (In Russian).
- Terentiev, M. A. (2010). *The Russian army's Khiva campaigns*. Veche. (In Russian).
- Tsygankov, P. A. (2013). The systems approach in international relations theory. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*, 5, 3–25. (In Russian).
- Yapp, M. E. (1980). *Strategies of British India: Britian, Iran and Afghanistan 1798-1850*. Oxford.
- Yuzhakov, S. N. (1885). *Afghanistan and Neighbouring Countries: A Political and Historical Sketch*. Printing house of the Public Benefit Society. (In Russian).
- Zakharyin, I. N. (1892). Khiva. “Perovsky's Winter Campaign to Khiva” in 1839 and “The First Embassy to Khiva” in 1842 (According to eyewitness accounts and notes). Printing house of P. P. Soikin. (In Russian).
- Zhukovsky, S. V. (1915). *Russia's relations with Khiva and Bukhara over the last three centuries*. Proceedings of the Society of Russian Orientalists. (In Russian).
- Zykov, S. N. (1862). Khiva affairs 1839-1842. *Russkoye Slovo*, 4, 1-23. (In Russian).